

ЗАКОН МУЖЕСТВА

НА ПЕРВЫЙ взгляд может показаться странным, почему именно я пишу об этом прозаике. Мы работаем в разных жанрах, герои наши никак не схожи — ни внешностью, ни характером, ни поступками, ни родом своих занятий, ни условиями, в которых им приходится действовать. Хотя, надо признаться, их объединяет одно — любовь к своей земле, Родине, во имя которой они живут, работают. Они — советские люди, и этим, по-моему, сказано все. Герои книг Валерия Поволяева имеют открытые, добродушные лица, они готовы всегда прийти на помощь, чувство взаимовыручки, локтя, дружбы, единения — главное в их жизни. Думаю, что во многом эти качества характера смыкаются с личными человеческими качествами, которыми обладает сам автор — прозаик Валерий Поволяев.

А автору, насколько я знаю, довелось довольно много пережить и перечувствовать, одолеть — он, хоть и молод, не раз бывал на землетрясениях, пожарах, селях, бывал в гуще беды, помогал людям, работал в рядах тех, кто занимался спасательными операциями, — словом, очень многое видел сам, оттого и герои его такие достоверные, правдивые. Это люди, на которых можно положиться.

Не так давно в журнале «Юность» была опубликована повесть «Разбитое зеркало». Сюжет ее довольно прост — ночью один из волжских катеров, тех, что обычно ставят на реке бакены, поплавки, прочие обозначения судоходных фарватеров, попадает в катастрофу (такое, к сожалению, еще случается; ни одна судоходная компания мира не обходится без аварий) и, совершив «трехчетвертной переворот» — используя терминологию моряков, — уходит на волжское дно. Глубокое, холодное дно. Если рассматривать повествование с точки зрения только одного этого сюжета, то повесть — увы! — ничего нового не принесет читателю. О подобных пиковых ситуациях рассказывали уже многие литераторы. Но сюжет совершенно меняется качественно из-за сложной нравственной коллизии — не «физической», а нравственной, — в которую попадают герои. Когда один из них делает шаг — сложный, непростой, — ему приходится с лихвой расплачиваться за содеянное. Вспоминаю слова песни: третий должен уйти. А коли не уходит? Жизненные коллизии сложны: рецепторность здесь не годится.

Повесть «Разбитое зеркало» захватывает, она написана крепко и крупно; она — зрима; жаль, что ее до сих пор не увидели в кинематографе.

Необычную повесть (или рассказ, или роман) создать не так уж трудно, но очень часто бывает так — и события, преподне-

сенные читателю, свежи, остры и хороши, и герои нестандартны, а читатель не верит автору... Не верит, и все! Нечто более глубокое, основательное должно стоять за критерием необычности — иначе необычность становится обычностью, — это самое глубокое, познанное лично, а не понаслышке, обязательно должно покоиться на опыте автора.

В героев Валерия Поволяева я верю — они, несмотря на собственную психологическую сложность, на сложность коллизий, в которые им приходится — падать, близики и понятны, они — земные, кровь и плоть нашего сегодняшнего бытия, они рождены современностью. И действительно, когда я расспрашивал В. Поволяева о героях его повествования, о том, насколько выдуманы они, оказывалось, что нет, они не выдуманы, они взяты из жизни. Просто автор «подсмотрел» где-то, в одной из своих командировок «историю», сделал несколько засечек в мозгу, переварил «подсмотренное», а потом, считая, что материал созрел, что он основательно пропущен через собственное «я», выложил его на страницы прозы. Получилась интересная — очень интересная! — и необычная повесть.

Когда мы говорим — «рабочий», то невольно — во всяком случае для людей нашего поколения — возникает определенный стереотип, сложившийся по фильмам нашего детства и юности. Однако, увы, проходит и юность, меняются времена, и прежний стереотип отходит в историю. Ныне родился качественно новый РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК.

Вот именно такого современного рабочего человека я увидел, например, в повести Валерия Поволяева «Трасса». Об этой повести много говорили, много писали. Она — на рабочую тему, но не потому, что все в ней «сконструировано» по давно разработанной схеме, под спасительной тенью которой живут еще в литературе десятки халтурщиков, спекулирующие почтительной уважительностью нашего общества к труду, к работе, к рабочему, а совсем по-иному — автор попытался нарисовать психологию современного человека труда, рассказать читателю о душе, о внутреннем мире того, кто ныне осваивает современную Сибирь.

Валерий Поволяев не случайно и не с наскока «вышел» на эту тему. Семь лет своей не очень-то еще долгой жизни он отдал «трассе тепла», Северу, нефте-

проводчикам. Писатель не понаслышке знает своих героев, ребята-первопроходчики Усть-Балык-Альметьевского участка гигантской трассы, по которой нефть, газ, то есть символ энергетической мощи, идут через глухой сибирский Север, вызывая самим фактом своего появления жизнь, поселки, города — там, где ранее была глушь, безлюдье, ничто.

Сюжет повести незамысловат: прилетел на Север шофер Иван Костылев из Подмосквы, прилетел — совершенно нескрываемо — «подкалывать». Автор не торопится поставить клеймо на своем герое «врача». Более того, и в последующем, когда Иван Костылев — на заработки ради, а во имя идеи братства и всеобщей ответственности за будущее — идет на смертельный риск, В. Поволяев не заставляет его стать идеалистом-бессребренником, готовым ходить в портянках и спать на полу. Дискуссии о том, что надо за работу платить — и чем лучше работа, тем больше и щедрее платить, — кончены; ленинский принцип материальной заинтересованности незыблем, но при этом увязан органически с рабочей честью и самоотверженностью личности во имя общества.

С Иваном Костылевым никто не проводит наставнических бесед, никто не корит его — просто-напросто он работает среди энтузиастов, первопроходцев, комсомольцев второй половины семидесятых годов, доказывающих свою преданность научно-технической революции не словом — делом.

Добро, честность, рыцарство (в нынешнем его выражении, как, впрочем, и в прошлом) разительны куда как более, чем зло. Это и показывает В. Поволяев.

Единственно, что жаль: в этой хорошей и открытой повести мало отведено страниц любви Ивана Костылева и бортпроводницы Людэ Бородиной. Я вижу, как писатель «хватает себя за руку», как он ставит себе «границы дозволенного». Хотя автор и стоит на позициях нашей правды, нашей морали, нашей убежденности... И все равно, несмотря на ограничения, лирические страницы написаны тонко, запоминаются. Любпытен и образ мужа Людэ, журналиста, претендовавшего на лавровый венчик гениальности. Образ этот — как некий контрапункт «бездействия», пустого морализирования, желания «конструировать книги» в квартире — противопоставлен образу Ко-

стылева. Героя ныне формирует жизнь, и лишь в активной работе можно понять сущность происходящего. Валерий Поволяев ищет в очень верном и точном направлении, он отходит от схем; его бригадиры Павел Старенков и Уно Тильк — не ходячие резонеры, это люди со своей правдой и убежденностью; они прагматики, но не сухари, в них сохранены душевная емкость и человеческая теплоотдача.

Я специально вернулся к ранней повести В. Поволяева, о которой уже много написано, — вернулся, чтобы произвести сопоставление с повестью «Кто слышал крик аиста», опубликованной в шестой книжке журнала «Москва» за прошлый год. Если главный персонаж «Трассы» Костылев — водитель по профессии, то герой «Аиста» Спельников — тоже водитель, в конкретнее — московский таксист, все свое свободное время отдающий автогонкам.

Спельников совершает подвиг во время состязаний на рижской трассе Бикерниек — спасает нескольких гонимых, уводит гонимую машину с трассы. И одновременно чуть не погибает сам — ведь он, гася крик, боль, вслухивающую в груди, последним усилием воли умудряется загнать себя в полыхающую кабину гоночной машины, заставить ее на обочину. В Спельникове воплощены, по-моему, все лучшие черты, которыми обладали солдаты Великой Отечественной, он — красноречивое свидетельство того, насколько неразрывна психологическая нить «отец — сын», олицетворяющая связь поколений, преемственность их. Именно такие ребята, как Спельников, ходили в атаку, брали Кенигсберг и Берлин, пели «Землянку» в минуты затишья, вливали головы за жизнь своих товарищей, проявляли чудеса храбрости. Они — кровь и плоть народа своего, советского, который их воспитал, вырастил!

И лирические страницы — любовь Спельникова и латышки Расмы — написаны В. Поволяевым тонко, звучно, ярко и, если хотите, более броско, чем в «Трассе». Эта броскость оправдана, она закономерна, ибо выжить Спельникову во многом помогла именно его любовь, и вообще, ему рано было умирать: ведь столько дел было еще не сделано, столько загадок не разгадано, столько гоним не выиграно... Он — земной из земных, этот Спельников. Потому и привлекателен И правдив — в таких людей веришь, к таким героям ныне тянется молодежь.

Читая северные и сибирские повести и рассказы Валерия Поволяева, я часто вспоминаю прозу, столь любимую молодежью, посвященную сильным и добрым людям, осваивающим путь в неизвестное. Герои Поволяева — это люди, которые умеют побеждать самих себя; когда трудно, они умеют податься над «своим» ради общего, ради дружбы и друзей, избегающие фальши, двуличия, лести, — откровенные и смелые наши современники. Рассказывать о них читателю сложно, для этого нужны большое умение, талант. Валерий Поволяев наделен ими в полной мере.